

Длинная и сильная рука Мэн Хуэя тяжело лежала на плече Линь Ци. Запах табака, смешанный с едва уловимым ароматом пота — коктейль юношеских гормонов — невольно щекотал ноздри, и Линь Ци старался держаться как можно дальше, заметно наклонив голову в сторону.

Мэн Хуэй, полуприкрыв глаза, с едва заметной улыбкой разглядывал юную версию своего будущего начальника. Юноша шел, нахмутив брови, всем своим видом выражая безмолвный протест. Он был бледным, тонким и по-своему изящным. Из-за того что он слегка щурился, его длинные загнутые ресницы казались гуще, а их кончики у уголков глаз словно слиплись.

— Поменьше бы ты телевизор смотрел, — лениво бросил он.

Линь Ци, не понимая, к чему эта внезапная реплика, тихо буркнул:

— Я вообще его не смотрю.

Мэн Хуэй покосился на его раздувшийся от учебников рюкзак.

— А, значит, всё-таки за книжками зрение испортил.

Его собеседник предпочел промолчать.

«До чего же милый», — подумал Мэн Хуэй. Годами он видел лишь холодного, застегнутого на все пуговицы заместителя генерального директора Линя в очках в золотой оправе. Он привык к тому, что тот ледяным тоном раздает ему указания, и теперь, внезапно увидев его подростком, мужчина готов был отвесить самому себе пару пощечин. Как он мог тогда, в прошлой жизни, просто забрать деньги у Гэ Цзяньцзюня и уйти, оставив такое сокровище в этом Богом забытом переулке?

Какая трагедия должна была произойти с этим прилежным учеником всего через полгода, чтобы он превратился в изможденного юношу с лицом в шрамах и затравленным взглядом, бросившего школу?

После смерти Линь Ци Мэн Хуэй ударился в мистику: он гадал, молился в храмах и жертвовал огромные суммы на благотворительность, но при этом его дела становились всё более грязными и беспринципными. Он чувствовал, что теряет контроль над собой, но не знал, как остановиться. Он был словно в болоте — чем сильнее дергался, тем глубже погружался, пока тьма не поглотила его с головой. И вот теперь свет надежды снова озарил его путь.

— Я пришел, — Линь Ци указал на старую многоэтажку. — До свидания.

Он попытался выскользнуть из-под руки Мэн Хуэя, но та, подобно стальному обручу, осталась неподвижной.

— Раз уж я решил помочь, доведу до двери, — всё тем же ленивым тоном проговорил он. — Какой этаж?

Линь Ци прекрасно знал упрямый характер этого человека и понимал, что спорить бесполезно.

— Пятый, — хмуро ответил он.

— Невысоко, — Мэн Хуэй по-хозяйски направил его к облупившейся железной двери. — Если не дойдешь, могу и на спине донести, — добавил он с двусмысленной ухмылкой.

Юноша окинул его взглядом, в котором читалось явное «ты больной?». В его воспоминаниях Мэн Хуэй был стопроцентным натуралом, который менял девушек как перчатки — ветреным, расчетливым и жестким, идеальным героем мужских новелл.

— Да шучу я, — Мэн Хуэй игриво коснулся его шеи. Когда они столкнулись лбами, оба были мокрыми от пота. Линь Ци почувствовал жар и невольно поморщился, прошептал: — Ну и твердая же у тебя голова.

Мэн Хуэй уже готов был отпустить какую-нибудь скабрёзную шуточку, привычно коснувшись языком неба, но в последний момент сдержался. Глядя на этого шестнадцатилетнего мальчишку, он просто не мог заставить себя хамить. Вместо этого он лишь тихо рассмеялся, крепче прижимая парня к себе. Линь Ци, обнимая свой рюкзак, смиренно решил для себя, что его просто обнимает большая и настырная собака.

Стояло душное лето, время ужина. Во многих квартирах были открыты входные двери, прикрытые лишь сетками. Запах еды и шум голосов смешивались в воздухе, создавая ту самую уютную атмосферу домашнего очага, по которой так легко начать тосковать.

— Похоже, ты сегодня не настроен на нормальный ужин!

Раздался яростный рев, за которым последовал звон бьющейся посуды и хлопок двери. Линь Ци, услышав тяжелый топот на лестнице, мгновенно среагировал: он развернулся и прижался к стене, прячась за широкую спину Мэн Хуэя.

— Не двигайся! — коротко бросил он.

Мимо них пронесся длинный худощавый мужчина, чьи шаги, казалось, вот-вот обрушат выдавшую виды лестницу.

Мэн Хуэй проводил мужчину взглядом и повернулся к Линь Ци. В полумраке подъезда, где не горели лампы, бледное лицо юноши казалось почти прозрачным, в глазах застыла тревога. Встретившись с внимательным взглядом, он тут же опустил голову.

— Я дома.

Мэн Хуэй сделал шаг вперед, заглянув в открытую дверь на этаже, а затем снова посмотрел на подростка, одиноко стоявшего у края площадки.

Выглядел тот по-настоящему жалко.

— Твой отец? — небрежно поинтересовался Мэн Хуэй.

— Угу, — безучастно отозвался Линь Ци.

— Ссоры взрослых — не забота детей. Просто думай о том, что это всё равно лучше, чем быть сиротой, как я, — мягко попытался утешить его собеседник.

Тот вскинул голову, его глаза под длинными ресницами широко распахнулись, и он смерил Мэн Хуэя возмущенным взглядом:

— Это был отчим.

Мэн Хуэй усмехнулся, обнажив ровный ряд зубов.

— Черт, что ж ты раньше не сказал.

Линь Ци, не выдержав, задел его плечом, пробежал оставшиеся ступеньки и скрылся в квартире, захлопнув за собой дверь.

Мэн Хуэй прислонился к обшарпанной стене, не сводя глаз с коричневой двери с облезшей краской. Его пальцы и губы слегка подрагивали от волнения. Он достал из кармана помятую сигарету, кончик которой совсем сник. Он снова улыбнулся и пробормотал себе под нос:

— Неужели в восемнадцать лет я был таким оболтусом?

Он в один миг лишился своего баснословного богатства, своего высокого положения, но почему-то чувствовал себя невероятно счастливым. Улыбка не сходила с его лица. Он еще раз взглянул на дверь Линь Ци. Живой. Тот был жив, и это было лучше всего на свете.

Мимо пронеслась женщина в длинном платье с завитыми волосами, от которой разило

дешевым парфюмом. Она с опаской покосилась на мужчину, стоящего в подъезде, и посильнее прижала к себе сумочку.

Мэн Хуэй с самоиронией хмыкнул, спрятал изломанную сигарету и вразвалку спустился по лестнице.

Сюжет снова изменился. Линь Ци, закрыв за собой дверь, старался сохранять спокойствие. Изменился — и ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Он еще не до конца оправился от боли утраты из прошлого мира, и бывшего энтузиазма в выполнении миссии у него поубавилось.

— У тебя еще хватает совести возвращ... — резкий женский голос оборвался, когда Линь Юээ увидела хрупкую фигуру сына. Она неловко поправила волосы. — Цици вернулся.

— Да, — Линь Ци окинул взглядом разгромленную гостиную. Ужин с кофейного столика был разбросан по полу, на диване расплылось бледно-красное пятно от томатного супа. Из опрокинутой бутылки на ковер всё еще лилось спиртное. Он отвел глаза и тихо сказал: — Я пойду делать уроки.

— Иди, — Линь Юээ, чьи глаза опухли от слез, попыталась выдавить улыбку. — Мама сейчас сварит тебе пельменей.

— Не нужно. На вечерних занятиях одноклассник угостил меня хлебом, я не голоден. — Линь Ци направился в свою крошечную комнату.

— Ты же проголодаешься, пока будешь заниматься. Не хочешь пельменей — я наведу тебе овсянки. Попьешь, если захочешь, хорошо?

Сын кивнул, решив не отвергать заботу матери.

В своей тесной комнатке он положил рюкзак на стол и с тяжелым сердцем опустил на стул.

В этом мире по сценарию Линь Ци был талантливым юношей, который из-за семейных проблем бросил учебу и стал «младшим братом» Мэн Хуэя, помогая тому на пути к вершине успеха.

Раньше он относился к миссиям прагматично: все персонажи были для него просто NPC. Но сегодня, увидев хаос в гостиной, он невольно ощутил жалость к матери. Неудачный первый брак, теперь — ничтожество во втором... Вся её жизнь и жизнь её ребенка были разрушены.

Всё это казалось лишь набором сюжетных установок, но ощущалось пугающе реальным — таким же реальным, как чувства, которые дарил ему Ду Чэнъин.

Раздался стук. Линь Ци выпрямился.

— Войдите.

Линь Юээ вошла в комнату с небольшой чашкой в руках. Она уже успела привести себя в порядок и выглядела вполне спокойной. Поставив дымящуюся чашку на стол, она мягко произнесла:

— Допьешь — оставь здесь. Я завтра заберу, когда уйдешь в школу.

— Спасибо... мам, — немного неловко ответил он. Мать истолковала его заминку по-своему, решив, что сын снова расстроен из-за семейных неурядиц. Она ласково погладила его по волосам. Слова утешения вертелись на языке, но так и не были произнесены. В семь лет мальчик потерял родного отца, в пятнадцать получил отчима, а в доме не прекращались скандалы. Сглотнув слезы, Линь Юээ прошептала: — Как закончишь, прими душ и ложись спать. Мне нужно ненадолго отлучиться по делам, не засиживайся допоздна.

— Хорошо, — Линь Ци понимал, что она отправилась искать своего сбежавшего мужа. — Ты тоже не задерживайся. На улице небезопасно, возвращайся поскорее.

Линь Юээ давно не слышала от сына слов заботы.

— Не волнуйся, я быстро.

Когда дверь за ней закрылась, Линь Ци снова сник. Он привалился к столу, то включая, то выключая настольную лампу.

Система:

[Не хочешь учиться — ложись спать. Всё равно через полгода бросишь школу]

— А ты чего не на своих шоу? — спросил он.

Система:

[Сезон закончился. Смотреть совсем нечего]

Линь Ци лишь безучастно вздохнул.

Система, глядя на его апатичный вид, предостерегла:

[Соберись. С Мэн Хуэем будет гораздо сложнее, чем с Ду Чэнъином]

— Я не собираюсь с ним бороться! — рассердился он.

Система:

[...]

«Посмотрите на эту преданную вдовушку. Ох уж эта любовь».

Система:

[Делай что хочешь, я пошла искать кино]

— Удачи, не смею задерживать.

Система:

[...Ну и характер стал у этого андроида]

На следующее утро Линь Ци проснулся, подхватил свой рюкзак с порванной лямкой и вышел из комнаты. Матери дома не было, в гостиной царил вчерашний беспорядок. Он вылил остатки овсянки в унитаз, вымыл чашку и, тяжело вздохнув, спустился на улицу.

Прижимая к себе вещи, юноша вяло плелся в сторону школы. Он шел, погруженный в свои мысли, как вдруг почувствовал, что рюкзак кто-то аккуратно перехватил. Обернувшись, он увидел того, кого ожидал увидеть меньше всего, и в то же время — именно его. Мэн Хуэя.

Тот выглядел так же, как вчера: широкая форма, белая майка, на подбородке пробилась легкая щетина. Он с ленивой усмешкой смотрел на опешившего юношу.

— Чего такой потерянный? Смотри под ноги, а то упадешь.

— Ты что творишь? Отдай рюкзак, — недовольно протянул Линь Ци.

— Ты завтракал? — проигнорировав вопрос, Мэн Хуэй закинул рюкзак за спину и внимательно оглядел его лицо. — Губы пересохли, витаминов не хватает.

— Ты... — Линь Ци на мгновение потерял дар речи. — Тебе-то какое дело?

Мэн Хуэй снова по-хозяйски закинул руку ему на плечо.

— Пойдем, я тебя накормлю.

— Я уже ел! Не хочу я ничего! — парень попытался сбросить его руку, но разница в силе была слишком велика.

— Кофе и сэндвичей у меня нет, обойдемся соевым молоком и жареными палочками, идет? — продолжал Мэн Хуэй, как ни в чем не бывало.

Линь Ци в отчаянии перестал сопротивляться.

— Ну что ты за человек такой?

— Какой? — Мэн Хуэй чуть вскинул бровь. — Перед Гэ Цзяньцзюнем ты дрожал как осиновый лист, а меня совсем не боишься? — Юноша замер, а мужчина, внезапно наклонившись к самому его лицу, ослепительно улыбнулся: — Только дома такой смелый, да?

Линь Ци затаил дыхание, боясь проронить хоть слово. Он опасался, что этот человек со звериным чутьем может что-то заподозрить.

Мэн Хуэй отстранился и расслабленно произнес:

— Раз уж встретились — это судьба. — Он искоса взглянул на притихшего спутника: — Помнишь, как меня называть?

— Брат Хуэй... — нехотя пробормотал Линь Ци.

Мэн Хуэй довольно растрепал его короткие волосы и успокоился лишь тогда, когда на голове юноши воцарился полный беспорядок.

Вздохмаченный Линь Ци невольно задумался: «Интересно, сколько ему было лет до перерождения? Поведение совсем детское».

Мэн Хуэй привел его в закусочную и заказал соевое молоко с ютяо. У его спутника совсем не было аппетита, но под пристальным взглядом ему пришлось заставить себя съесть завтрак — он воспринимал это как часть миссии.

Мэн Хуэй откинулся на спинку пластикового стула и, глядя на понурого юношу, лениво произнес:

— В юности кажется, что любая мелочь — это конец света. Но я тебе так скажу: в этом мире есть только две по-настоящему важные вещи.

— Какие? — Линь Ци пришлось поддержать разговор.

— Еда, — быстро ответил Мэн Хуэй и добавил с лукавой усмешкой: — И любовь.

<http://bllate.org/book/15815/1428579>